

РИТОРИКА

И.В. Анненкова

МЕСТО РИТОРИКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Аннотация: статья посвящена путям возрождения риторики, или так называемому «риторическому ренессансу» XX века. Зарубежные и отечественные филологи и философы обратили свои взоры к этой забытой науке, некогда породившей многие дисциплины: стилистику, прагматику, когнитивистику и др. Оказалось, что риторика может синтезировать в себе достижения своих «дочек» и предложить не только общественную рефлексию по окультуриванию общества (точнее — общественной коммуникации), но и рефлексию научную, с осмыслением ментально-дискурсивных процессов в различных национальных культурах.

Ключевые слова: филология, риторика, неориторика, пайдейя, аксиология, риторический ренессанс, лингвофилология, теория аргументации, риторический идеал, коммуникативная природа культуры.

Современная неориторика и формируемая внутри нее частная медиариторика, вобрав в себя терминологию новейших лингвистических дисциплин, не разорвав связей с традиционной риторикой, продолжая традиции риторического подхода в гуманитарной науке, вписывается в целостный научно-гуманитарный контекст как часть и одновременно создает собственную систему понятий как единое целое. Пути возрождения риторики, место риторического знания в ряду других лингвистических дисциплин, интеграция риторики и философии — это те проблемы, без осмысления которых невозможно обосновать актуальность и новизну данного диссертационного исследования.

XX в. стал для риторики эпохой ренессанса. Некогда забытая и отодвинутая на периферию гуманитарного знания, эта наука вновь заняла достойное место в ряду других филологических дисциплин, для которых она же некогда была источником и началом. Однако статус и структура современной риторики отличаются от статуса и структуры риторики античной. В античную эпоху риторика завершала собою тривиум (верхнюю ступень *тэ́хнэ* (свободных художеств)) и рассматривалась как учение об ораторском искусстве, шире — о прозе, об искусстве речи и словесности вообще. Риторический класс был высшим (после грамматики и пиитики) и готовил гражданина к сознательной политической деятельности. То есть риторика воспринималась как вершина *пайдейи*, или *воспитания*. Вот как писал об этом Вернер Йегер в работе «Пайдейя. Воспитание

античного грека»: «Воспитание — это средство, с помощью которого человеческое сообщество сохраняет свой род телесно и духовно... <...> Воспитание как функция человеческого сообщества нечто столь общее и необходимое по природе... <...> Частично оно облекается в форму требований, таких как: почитай богов, почитай отца и мать, уважай чужеземца; частично заключается в устно передаваемых в течение столетий предписаниях внешней благовоспитанности; частично сообщается в профессиональных познаниях и навыках, которые, в той мере, в какой они подлежат передаче, греки обозначали словом *тэ́хнэ*»¹. Утратив эту воспитательную компоненту, риторика перешла в разряд *схоластических технических дисциплин* и угасла.

Возрождение риторики в XX в. связано с бурным развитием на Западе и Востоке теории информации. Гуманитарные науки, к которым применялась исключительно математическая логика, стали испытывать острую необходимость в филологическом подходе. Но ни одна из обособленных филологических областей не была способна взять на себя роль *обобщающего теоретического знания*. Риторика, в частности, была скомпрометирована тем, что рассматривалась лишь как теория создания устных речей. Филология же большей частью обращалась к исследованию письменных текстов. Однако в середине XX в. ученые-гуманитарии взглянули

¹ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека: В 2-х тт. / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. Т. I. С. 11, 29.

на положение вещей иначе. «Риторика воспринималась с начала XX в. как устаревшая система средств речевого воздействия, которые ни на кого не воздействуют. Однако когда с этой забытой дисциплины стряхнули пыль веков и присмотрелись к ее классическому облику, выяснилось, что он внушает надежды и уважение: настолько актуальной, глубоко и тонко разработанной оказалась система риторических понятий»².

Обращение взоров ученых-лингвистов к традиционной риторике в середине XX в. было также спровоцировано некоей разрозненностью, сегментированностью и даже имманентностью лингвистических парадигм того времени. При этом полипарадигмальность языкознания характеризовалась стремлением к доминированию того или иного подхода в изучении языка³. Выделенные в работах таких ученых, как Ч.С. Пирс, Ч.У. Моррис и др., три основных семиотических парадигмы языка (семантика, синтактика, прагматика) поочередно выдвигались на первый план и становились основными векторами лингвистических исследований в тот или иной исторический период. Вместе «философия имени» (семантика), «философия предиката» (синтактика), «философия эгоцентрических слов» (прагматическая парадигма с «я» в центре внимания) — это некая более или менее законченная логическая система, в которой каждое из этих трех направлений рассматривает один из объективных параметров языка как главенствующий, или доминирующий⁴.

Сегодня «мода» на ту или иную парадигму языкознания вытесняется отказом от исключительности того или иного метода. Синергетика *функциональной, коммуникативной, когнитивной, текстоцентрической, прагматической, эмотиологической* и других концепций обеспечивает формирование в науке сферического, т.е. объемного, целостного представления о языке и языковой деятельности человека. Этот синтез различных подходов вырос в том числе и на возвращении в научный контекст идей и методов «реабилитированной» античной риторики. Так, П. Серио в работе «В поисках четвертой парадигмы» указывает на риторику как на источник, который питает антропоцентричность современного языкознания, и видит в аристотелевской триаде «говорящий — предмет речи — слушающий» основу новой (антропоцентричной)

«четвертой парадигмы»⁵. «Система мышления, “стиль мышления” неразрывно связаны с *риторическими кодами* (курсив наш. — *И. А.*), собственно и являющимися сигналами этой системы», — писала Э. Р. Лассан⁶.

Такой аксиоматический статус риторической доминанты в речемыслительной деятельности человека основан на понимании классического риторического канона как константы мировой культуры, как «интегральной программы трансформации идеи в слово»⁷. И эта константа вытекает из специфики породившей риторику древнегреческой культуры вообще, ее универсальности для понимания и продуцирования любой (!) новоевропейской культуры. На наш взгляд, наиболее убедительной в этом аспекте выглядит концепция С.С. Аверинцева об универсализме греческой культуры: «Греки создали не только свою собственную культуру — конкретную, исторически неповторимую, со своими специфическими характеристиками и локальными ограничениями; одновременно в <...> творческом процессе они создали парадигму культуры вообще»⁸. Сегодня такой универсализм проявляется в том числе в медиационности современной культуры с доминантой риторического типа дискурса, с доминантой медиатекста как текста риторического типа.

Отметим, что выдвижение в XX в. риторики на авансцену филологического и — шире — гуманитарного знания не было простым и прямолинейным. С одной стороны, различные науки на протяжении длительного времени практически осваивали риторическое наследие, которое часто становилось их неотъемлемой частью. Так, например теория стилей, просуществовавшая в рамках нормативной поэтики вплоть до эпохи романтизма, была непосредственно заимствована из античной риторики без каких-либо изменений; разработанная и классифицированная античной риторикой система логических доказательств, используемых в рамках убеждающей речи (*аристотелевские силлогизмы, энтимемы, демонстрация вероятностей*), со временем сложилась в независимую от риторического анализа *формально-логическую*

² Михальская А.К. Основы риторики. 10-11 кл.: Учебник для общеобразоват. учреждений. 2-е изд., с измен. М.: Дрофа, 2001. С. 32.

³ См. об этом: Парадигмы научного знания в современной лингвистике. Сб. науч. трудов / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания / Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН. 164 с.

⁴ См. об этом: Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1985. 335 с.

⁵ Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка, в границах и без границ. Харьков: ОКО, 1993. С. 39-40.

⁶ Лассан Э. В поисках границы парадигмы текстов (от «парадигмы текстов» к «дискурсивной формации») // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Сборник статей научно-метод. Семинара «TEXTUS». Вып. 6 / Под ред. докт. филол. наук, проф. К.Э. Штайн. СПб - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 457.

⁷ Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991. С. 43.

⁸ Аверинцев С.С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // Он же. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.: ЯКМ, 1996. С. 351.

теорию аргументации. С другой, последовательно интегрируя отдельно взятые проблемы, подходы и процедуры риторического анализа, *поэтика, стилистика, логика*, а позднее и многие другие дисциплины и направления, вплоть до новейших течений, сформировавшихся в недрах современной лингвистики, семиотики, социологии, социальной психологии и т. д., долгое время не ощущали острой необходимости в целостном риторическом анализе. При этом они активно использовали отдельные категории и понятия риторики, перекодированные на язык соответствующей науки.

Постоянно нарастающий интерес к проблемам «*эффективного исследования*» языка переместил исследовательский интерес к осмыслению, описанию и моделированию многообразных ситуаций убеждающего воздействия. Это не только заставило вспомнить о риторике, но и стимулировало разработку ее проблематики в рамках других областей знания. Решающую роль в совершенствовании категориального аппарата и инструментария классической риторики, сделавшего возможным включение риторической науки в контекст современных научных разработок, сыграли *теория массовых коммуникаций* и *логическая теория аргументации*.

У истоков теории массовой коммуникации стояли Ч. Кули, Г. Тарда, У. Липпман, их идеи развивали Г. Блумер, Г. Лассуэл, Ю. Хабермас, Э. Аронсон, Дж. Тернер, Дж. М. Карлсмит, Г. Алмонд, В. А. Житинев, Д. Зеркин и многие другие. Теория массовых коммуникаций, представляющая собой обширную совокупность исследований *лингвистического, семиотического, социологического и социально-психологического* характера, содействовала выработке более глубокого понимания определяющих характеристик основных участников коммуникативного акта (*отправитель — получатель сообщения*), а также параметров самого сообщения. Так, например, в качестве ранее не выделявшихся характеристик отправителя, определяющих результативность убеждения, в ней описываются такие факторы, как *фактор доверия, фактор престижа, фактор дистанции* между исходным знанием и содержанием вновь получаемой информации.

Важную роль сыграли исследования, посвященные проблеме различения *информации* и *аргумента*. Они привлекли внимание к роли эксплицитно формируемого вывода в процессе направляемого формирования позиции адресата. В этом же ключе рассматривался и опыт анализа эффективности рационального и *иррационального (эмоционального) воздействия* на формирование позиции адресата.

Развитие теории массовых коммуникаций, тесно переплетающееся с традиционными целями риторического анализа, безусловно, содействовало концеп-

туальному освоению риторики и другими отраслями современного научного знания.

Так, формирование логической теории аргументации связано с серьезными изменениями в определении задач и возможностей *логического анализа естественного языка*, произошедшими с начала XX в. Переноса поначалу на исследования живого человеческого языка методики и приемы, разработанные для изучения формально безупречных суждений, ученые-логики довольно быстро оказались в тупике, столкнувшись с необходимостью описания таких явлений, как полисемия, контекст, и многих других факторов, характеризующих функционирование естественного языка. Поиски логических методов исследования естественного языка привели к формулированию *теории пресуппозиций* и созданию *теории аргументации*.

Понятие пресуппозиции (от англ. «presupposition» — предположение) стало распространенным и одним из наиболее часто встречающихся в логико-философской и лингвистической литературе. Оно применяется для решения ряда логико-философских проблем: например, для анализа смысла и значения выражений, для исследования некоторых семантических парадоксов, для контекстуального анализа высказываний. Одним из первых на пресуппозиционный аспект в логическом анализе смысла и значения предложения обратил внимание Г. Фреге. Он привлек внимание логиков и лингвистов к выделению и изучению пресуппозиций, их роли и значения. Его несомненной заслугой является выделение пресуппозиций в высказываниях, рассмотрение их функций в установлении наличия у высказывания истинностного значения. Позднее понятие пресуппозиции заняло центральное место в критике П. Стросоном расселовской теории дескрипции. Последователями П. Стросона были У. Куайн, Дж. Остин, Л. Линский, Д. Купер. За Б. Расселом пошли М. Даммлет и Р. Ханкок. К. Доннелан попытался соединить и примирить две тенденции понимания пресуппозиции и ее влияние на получение «ложного высказывания» (Б. Рассел), или «истинностного провала» в высказывании (У. Куайн).

Понятие пресуппозиции широко используют логики, лингвисты, философы. Большой интерес это понятие вызвало у лингвистов, в работах которых оно оказалось наиболее разработанным. Однако общего взгляда на пресуппозицию у лингвистов нет до сих пор, и в различных лингвистических подходах понятие пресуппозиции определяется по-разному. Сегодня можно выделить три плана употребления понятия пресуппозиции в лингвистике: 1) пресуппозиции о существовании и единственности объекта (семантические экзистенциальные пресуппозиции); 2) пресуппозиции как свойства слов (в основном, существительных, выполняющих предикат-

ную функцию); 3) пресуппозиции как прагматические (не лингвистические) условия коммуникации. Последнее понимание термина *пресуппозиция* в наибольшей степени соответствует риторическому представлению о коммуникации.

Использование понятия пресуппозиции оказывается важным для развития теории значения языковых выражений. Так, пресуппозиции выражения помогают определить смысловое значение данного выражения, поскольку в пресуппозициях в неявном виде содержится информация, знание об объекте речи. И это тоже существенно для риторики, так как в риторической модели коммуникации ее участники (адресант и адресат) а priori должны обладать если не тождественными и идентичными, то близкими представлениями о предмете речи.

Пресуппозиции играют важную роль в дискуссиях и диалогах. При анализе этих форм речи — когда мысль должна быть не просто высказана, но и воспринята собеседником — необходимо учитывать те скрытые, неявные предпосылки, которые содержатся в каждом предложении, каждой реплике. Только при верной оценке пресуппозиций каждым из собеседников возможно полноценное общение. Среди российских исследователей это понятие мы находим в основном именно у лингвистов (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева), рассматривающих пресуппозиции как средство лингвистического анализа высказываний естественного языка. Все эти разработки непосредственно связаны с риторическим пониманием коммуникации (говорящий — предмет речи — слушающий) и дополняют классический риторический канон теоретическими понятиями лингвистики нового и новейшего времени.

Теория аргументации Х. Перельмана с полным основанием может рассматриваться в качестве теоретической основы «*новой риторики*». Труды Х. Перельмана «Философия и риторика» (1952), «Новая риторика: Трактат по аргументации» (1958), созданные в соавторстве с Л. Ольбрехт-Тытекой, ознаменовали начало риторического ренессанса во второй половине XX в., ставшее истоком нового периода в развитии риторики («*новой риторики*») и базисом нового направления уже внутри неориторики — аргументативной риторики. Книга «Новая риторика: Трактат по аргументации» обострила интерес к теории аргументации. Преобразующая сила идей Х. Перельмана в области философских основ риторики, предполагавших существенные изменения в области философии, логики и непосредственно самой риторики, позволила современникам назвать его Новым Аристотелем. Философский проект Х. Перельмана предопределил ревизию методологического базиса риторики как теории коммуникативного воздействия. В контексте коммуникативного поворота от философии субъективности к философии

интерсубъективности, от философии долингвистического сознания к философии языка интерес к риторике не мог не обостриться, поскольку это единственный раздел знания, который постоянно проявлял внимание к проблеме передачи информации от одной субъективности к другой. Х. Перельман задался поиском «*риторической формы*» аргументации, имманентной языку как инструменту коммуникативных технологий в персуазивных, т.е. воздействующих на аудиторию, контекстах.

Актуализируя проблему общения через призму риторической модели коммуникации, Х. Перельман тематизировал две значимые для философии XX в. проблемы — проблему времени и проблему языка. Классическая философия и классическая логика стремились освободиться от времени и языка как источников изменений и множественности интерпретаций, как помех для однозначности, ясности, четкости. Стремление классической логики к формализации языка как единственному способу утвердить свой предмет означало освобождение от «*живого*» языка общения с его двусмысленностью, традициями и постоянной эволюцией. Х. Перельман предложил рассматривать *аргументацию* как элемент *риторической коммуникации в темпоральном модусе*: «Время изменяет условия рассуждения: оно инспирирует иерархизацию понятий, их перестройку для адаптации к конкретной ситуации». Важным в концепции Х. Перельмана оказывается разграничение *различных моделей картины мира* и, соответственно, различный статус автора решения (и адресанта, и адресата) в процессе коммуникации. Автор решения представляет собой 1) *исполнителя* в рамках *ролевой картины мира*, 2) *субъекта выбора* в рамках *императивной картины мира* и 3) *субъекта частной инициативы* в рамках *окказиональной картины мира*. В философию риторики ученый включил базисные элементы феноменологического восприятия мира: *интенциональность* как направленность сознания на объекты действительного или возможных миров (и, соответственно, интенциональные состояния мнения, желания, веры, надежды и др.), *интенциональность* как отнесенность интенциональных состояний к определенным фрагментам концептуальной системы носителя интенциональных состояний и *индексальность* как зависимость содержания интерпретации от определенной концептуальной системы. Это позволило Х. Перельману тематизировать риторическую коммуникацию как персуазивную форму общения, основанную на взаимосвязи информационного воздействия, аргументации и компетенции ее участников.

В теории аргументации Х. Перельмана, неклассическом, неформальном направлении в области теоретических основ интерактивного мышления и коммуникации, указано на различие между *доказательством* как строгой формально-логической процедурой

и обоснованием как риторическим приемом убеждения, а также сформулированы основания современной теории аргументации. Он провозгласил основной целью аргументации присоединение аудитории к положениям оратора посредством убеждения (что, впрочем, лежит в русле классической аристотелевской риторики и на что сам Х. Перельман неоднократно указывал). В первую очередь его интересовал вопрос об использовании ценностно-оценочных суждений (мнений) в решении ряда юридических проблем, а также их функционирование в структуре «эйдоса — логоса — этоса» аксиологического и/или агонального (политического, судебного, публицистического, рекламного) дискурсов. Х. Перельман поставил целью построение модели фрагмента мышления, связанного с установлением ценностных (!) отношений, и исследование возможностей построения неклассической логики оценочных высказываний. Именно оценка (прагматическая, эмоциональная, этическая, эстетическая, нормативная, абсолютная, относительная, позитивная, негативная, критическая (рационально обоснованная), некритическая (рационально не обоснованная)) отображает факт установления ценности, значимости какого-либо события или явления.

Концепция Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки основывается на убеждении, что риторика в современных условиях не должна строиться на ее противопоставлении философии и подчинении формальной логике, так как предмет риторики необходимо соотносить с *мнением*, а не с *истиной*. Ценность, как и истина, является не свойством, а отношением между действительностью и выражающей ее мыслью. К ключевым понятиям, принципам и проблемам аргументативной риторики Х. Перельмана относятся: методологическое обоснование концепции, аргументация и ее специфика; оратор и аудитория с определением их возможностей и объемов компетенции; исходный базис (посылки) аргументации; выбор, критерий выбора и презентация аргумента; семиотика аргументации; риторическая техника аргументации.

Важное место в теории Х. Перельмана занимает понятие аудитории. Идея динамики как неотъемлемого атрибута аудитории («у каждой эпохи, у каждой культуры, у каждой науки и даже личности своя универсальная аудитория») соотносится с идеей темпоральности дискурса, о которой говорилось выше. Х. Перельман стремится отойти от классической традиции в понимании частной, или особой (*particulier*), аудитории как конвенциональной аудитории, т.е. собрания людей, в котором произносится речь. Базисный аргумент универсальной аудитории и классического идеала познания «*ad rem*» («по существу») заменяется у него аргументом «*ad hominem*» («к человеку»), апеллирующим к мнению и чувствам человека,

который, однако, ученый не отождествляет с аргументом «*ad personam*», направленным на дискредитацию оппонента (который в дальнейшем был назван Р. Бартом элементом «черной риторики»). Заменяя универсальную аудиторию частной, Х. Перельман определяет ее как «единое целое» людей, на которых «оратор стремится повлиять своей аргументацией». Данное уточнение связано с изменившимися условиями, в которых реальная аудитория, являющаяся адресатом аргументации, не совпадает с непосредственным реципиентом-слушателем или реципиентом-читателем. Член парламента, например, обращаясь к спикеру и к коллегам, адресует свои аргументы также и к общественности. Х. Перельман различает логическую и риторическую модели аудитории. Логическим он называет универсальный тип модели аудитории, ориентированный на говорящего, риторическим — частный тип, ориентированный на получателя информации (речи).

В логической модели аудитории аргументация осуществляется в закрытой системе категорий, в риторической модели — аргументация открыта. Понятия «оратор» и «аудитория» в риторике Х. Перельмана трактуются иначе, чем в традиционной риторике. Оратор — это «личность, использующая язык», «чувствительная» к «другому», автор устно-письменного текста; аудитория — гипотетико-теоретический конструкт, прогнозируемый оратором. «Развертывание» аудитории в процессе аргументации находится в функциональной зависимости от свойств человека. Основная цель аргументации — установление связи аудитории с положениями (присоединение к положениям) оратора, основой которой является согласие. Предметом согласия могут выступать презумпции, ценности, иерархии, а также истины и факты. Тематизация согласия оратора и аудитории определяет характер высказываемого оратором общеизвестного либо предположительного факта (сфера истины или презумпции), либо мнения, разделяемого аудиторией (сфера предпочтений, т.е. иерархия культурных, нравственных и др. ценностей), и в любой форме коммуникации предполагает наличие посылок, принятых и одобряемых большинством аудитории, что составляет когнитивный и аксиологический базис согласия.

Введение в современную неориторику аксиологической компоненты можно признать принципиальным, т.к. именно она была базовой в древнегреческой «пайдейе», и именно эта компонента позволяет выделить современную неориторику как самостоятельную специфическую лингвофилософскую дисциплину в ряду других гуманитарных наук. Этическому идеалу классической риторической традиции Х. Перельман противопоставил концепцию идеальной личности: ри-

торика должна формировать скорее судью, чем истца. Приоритет судьи по отношению к истцу определяется у него открытостью первого и закрытостью второго для аргументов оппонировавшей стороны. «Именно совещательность отличает человека от автоматического устройства, — утверждал Х. Перельман, — ее тематика касается таких творений человека, как ценности и нормы, которые стимулируют дискуссии. Изучение приемов таких дискуссий есть путь к осознанию интеллектуальной техники аргументации»⁹.

Риторическая техника аргументации раскрывается Х. Перельманом через экспликацию сущности аргумента, выявление целевых схем аргументации и классификации аргументов. *Аргумент* он определяет как *речевую конструкцию, способную изменить ход мысли реципиента речи, распознаваемую и выделяемую реципиентом и не исключающую рационально-критическую оценку*. Синтаксическая структура аргументации проявляется в модальности высказываний (побудительной, желательной, вопросительной, утвердительной) и в конструировании перехода от обычного, привычного к новому, к иной перспективе рассмотрения предмета, или, по терминологии самого Х. Перельмана, к идеалу. Фигуры речи, по мнению ученого, становятся структурными элементами речевой техники аргументации только в том случае, если они изменяют перспективу взгляда на предмет.

В рамках аргументативной риторики Х. Перельман разработал концепцию риторической коммуникации. И, что очень важно, интерпретировал основные факторы риторической коммуникации и изложил ее основные концепты в терминах семиотики, теории коммуникации, современной лингвистики. Это позволило ему и его последователям вывести риторику за пределы узкого понимания как структурно-технической дисциплины и ввести ее в контекст лингвофилософии, расширить объект изучения риторики. Объект изучения у риторики изначально был значительно уже, чем, например, у теории текста, так как «риторика исследовала лишь некоторые частные разновидности текстов»¹⁰. Объектом теории Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки являются уже дискурсивные приемы и дискурсивные практики вообще. К аргументации, по мнению Х. Перельмана, относится «вся совокупность высказываний, имеющих целью внушение либо убеждение, каковы бы ни были аудитория, которой они адресованы, и предметы

высказывания». Эта теория во многом сформировала проблематику и систему анализа исследований *французского структурализма*.

Согласимся с мнением Н.С. Автономовой, что «даже беглый взгляд на историю гуманитарного познания показывает, что мысль о структуре — путешественница: она не идет по прямой линии, но проходит ряд эпизодов, претерпевает ряд метаморфоз, пропитывается разными влияниями, вписывается в различные социокультурные конъюнктуры, шествуя — в течение всего XX в. — по Европе и по миру»¹¹. Хронологически начальный этап французского структурализма — 50-е гг.: в 1958 г. вышла «Структурная антропология» К. Леви-Стросса, в 1953 г. — манифест структурного психоанализа «Функция и поле речи и языка в психоанализе», написанный Ж. Лаканом, а также «Нулевая ступень письма» Р. Барта. Кульминацией этого идейного движения стал 1966 г., когда вышли в свет программные труды Ж. Лакана, М. Фуко, Р. Барта.

В работе Н. С. Автономовой «Познание и перевод. Опыты познания языка» (2008 г.) дана достаточно полная характеристика этого направления в гуманитарной (а значит, по М. М. Бахтину, в первую очередь филологической) науке. Это понимание интересно еще и тем, что в нем содержится периодизация данного научного явления, вписывающая структурализм в контекст филологических и философских изысканий XX в. Н.С. Автономова делает в указанной работе очень важное замечание о том, что, *структурализм* в гуманитарных науках — явление не только *междисциплинарное*, но и *международное*. Первому этапу структурализма (1930-1940-е гг.) она отводит роль «создателя» методов исследования языка в различных школах американского и европейского лингвистического структурализма. «Смысловая доминанта этого периода — исследование языка как системы, причем точность исследования достигается за счет отвлечения от “внешних” факторов — исторических, географических, социальных и др. Последовательность в проведении этого общего принципа — трактовка языка как системы смысло-различительных единиц различных уровней — сильно варьировалась от школы к школе (наибольшие различия обнаруживаются здесь между Пражской функциональной лингвистикой и датскими глоссематиками)»¹². Но сам принцип при этом, по ее мнению, оставался неизменным. И, на наш взгляд, это важнейший вывод, так как именно *система продуцирует возможность создания моделей, возможность моделирования той или иной структуры*.

⁹ См. Об этом: Perelman C., Olbrecht-Tyteca L. *Rhétorique et philosophie*. P.: PUF, 1952.

¹⁰ Гиндин С.И. Риторика и проблемы структуры текста // Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. *Общая риторика: Пер с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева*. М.: Прогресс, 1986. С. 364.

¹¹ Автономова Н.С. *Познание и перевод. Опыты философии языка*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 30.

¹² Там же.

Классическим представителем второго этапа (1950-1960-е гг.), когда произошло перемещение структурализма на французскую почву, совершенно оправданно признан К. Леви-Стросс. Его смысловой доминантой был поиск новых методов в теоретической этнографии и, что особенно важно, попытка применить внутри этих методов некоторые приемы структурной лингвистики (преимущественно фонологии в интерпретации русской филологической школы), а также представить различные социальные механизмы как взаимодействующие знаковые системы.

Третий этап (собственно 1960-е гг.) — это этап «размывания» лингвистической методологии и более широкого распространения собственно структурализма. «С одной стороны, структурализм наследует установки предшествующего этапа — перенос методов исследования языка на другие области культуры — историю науки (Фуко), литературоведение и массовую культуру (Барт); с другой стороны, он все больше отдаляется от исходных методологических образцов (каким была для Леви-Стросса, например, структурная фонология Н. Трубецкого и Р. Jakobsona). Если Барт в работах 60-х гг. еще пытался перенять вслед за Леви-Строссом методы структурной лингвистики, то у Лакана, например, язык из метода превращается в метафору — образный способ представления в чем-то сходных с языком, но не являющихся языком содержаний (бессознательного)».

Четвертый этап (конец 1960-х — 1970-е гг.) — это критика и самокритика структурализма, выход его в широкие общественные движения (у позднего Фуко — это выход в политику: язык есть социальная сила) или в более широкие области истории культуры (концепция Жака Дерриды). Критика и самокритика структурализма онтологизируют языковую реальность, ее социальное или общеполитическое значение. Эти перипетии судьбы языка становятся в структурализме стержнем всех других проблем: «Тем самым как бы замкнулся круг, который начал чертить лингвистический структурализм: минувя этапы научной замкнутости (лингвистический структурализм — язык-объект), экспансии методов (язык-метод), размывания методов (язык-метафора), превращения языка в “символическую собственность”, подлежащую присвоению или экспроприации (язык-социальная сила), язык возвращается на круги социальной проблематики, от которой лингвистический структурализм некогда принципиально отказался. Этим этапам соответствует и различное понимание знака как основной единицы языковой коммуникации: Леви-Стросс опирается на знак как на устойчивое целостное образование; Фуко и Лакан расщепляют знак на смысл и форму и делают

акцент на последнем (“означающее” у Лакана, “дискурс” у Фуко)»¹³.

Мы считаем, что для развития современной теории медиариторики французский структурализм интересен и важен тем, что именно благодаря его усилиям, начиная с середины 1960-х гг., было обеспечено выдвижение риторики на авансцену интеллектуальной жизни Франции и Европы. Р. Барт, Цв. Тодоров, Ж. Женетт, А.-Ж. Греймас, К. Бремон и др. выступили инициаторами неориторических исследований. Французскому структурализму присущ устойчивый преимущественный интерес к исследованиям поэтического языка и лингвистическому анализу литературных произведений, который сложился под влиянием русской формальной школы, ОПОЯЗа, фундаментальных трудов по поэтике Р.О. Jakobsona. Глубокий след на проблематике и методах исследования фольклора, художественной прозы оставило знакомство с переведенными на французский язык работами Б. Томашевского, В. Шкловского, В. Проппа, М. Бахтина и других русских исследователей советского периода.

Ценным наследием структурализма следует признать дифференцированную характеристику *функций риторики* в ее историческом развитии и ее положения, меняющегося в зависимости от отдельных культурных контекстов. Р. Барт определяет *риторику*, во-первых, как *технику*, т.е. как «искусство» в классическом смысле этого слова, а именно — в смысле убеждения, которое сформировано как совокупность правил и рецептов. Во-вторых, *риторика* представляется ему как *наставление*, включающее живой контакт между ритором и его учеником, утраченный в период институализации риторики. В-третьих, Р. Барт усматривает у риторики *функцию науки*, или, точнее, *протонауки*. В-четвертых, он рассматривает *риторику как мораль*, или систему правил: с одной стороны, она является «сборником рецептов» для практических целей, с другой — набором моральных предписаний для оценки языковых «отступлений от нормы». В-пятых, среди функций риторики Р. Бартом выделяется, на наш взгляд, одна из самых актуальных функций риторики эпохи массовых коммуникаций и технологий — *функция риторики как социальной практики*. Эта функция выведена им в связи с пониманием риторики как привилегии господствующего класса. И, наконец, в-шестых, *риторика* как институализованная, часто действующая репрессивно, система выступает в качестве *анти-риторики*, т.е. анти-системы. Эта *анти-риторическая функция* риторики была названа Р. Бартом «черной риторикой», которая допускает алогизмы и

¹³ Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2008. С. 33-34.

уловки в аргументации, непристойное и скабрёзное в качестве темы, гротескную и бурлескную окраску тропов и фигур, т.е. вывернутые наизнанку элементы, конституирующие собственно риторику¹⁴.

Осмысляя этапы возрождения и развития риторики, нельзя не сказать о трудах Ренаты Лахманн (Lachmann), которая уточнила и модифицировала подход Р. Барта к пониманию места риторики в ряду современных гуманитарных дисциплин («Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического» (Мюнхен, 1994)). Она предложила различать *риторику как дисциплину* и *риторическое как речевую практику*. В риторике как дисциплине она выделила лишь четыре аспекта: 1) риторика как искусство убеждающей речи; 2) риторика как учение в институциональном смысле; 3) риторика как дескриптивная инстанция; 4) риторика как нормативная (конструктивная) инстанция. Делая особый акцент на дескриптивном и нормативном аспектах, Р. Лахманн, с одной стороны, рассматривала риторику в качестве вторичной грамматики, с другой — смогла определить ее *культурную функцию*. Используя понятие *метатекст*, введенное типологией культуры, ориентированной на семиотику (Ю.М. Лотман), исследователь предложила следующую трактовку культурной функции риторики: «Метатекст как система описания, или, точнее, самописание культуры, принимает на себя в этом описании также и нормирующую и, тем самым, организующую функцию, которая способствует консолидации культуры и формулирует ее самосознание, что особенным образом касается риторики как вторичной грамматики»¹⁵. Под сущностью риторики как вторичной грамматики Р. Лахманн понимает репрезентируемый риторикой не первичный код языка, а вторичный — поэтический (в широком смысле слова) код, или субкод, с помощью которого риторика участвует в построении, точнее, в выстраивании коммуникативных ситуаций. Риторика, по ее мнению, является той инстанцией, которая формулирует полифункциональность языка при помощи эксплицитной изоляции отдельных языковых функций: «... с функционально-речевой точки зрения риторика связывает определенные приемы с определенными результатами и закрепляет эту прагматическую связь, снабжая ее оценочным индексом»¹⁶.

Как видим, Р. Лахманн четко прослеживает связь современной риторики с поэтикой, прагматикой, аксиологией, функциональной стилистикой, а также связывает воедино

конструктивную базу риторики («определенные приемы»), прагматический аспект риторического понимания коммуникации («определенные результаты») и, наконец, аксиологическую компоненту риторического моделирования коммуникации («оценочный индекс»).

Повышенное внимание к литературной риторике, к взаимосвязям риторического и поэтического, риторического и семиотического заметно отличает концепцию французской «новой риторики» от разработок, которые проводились в эти же годы в других странах. Например, работы английского исследователя Уэйта Клейсона Бута представляют для нас особый интерес, так как они вновь обращаются к важнейшей компоненте риторики — аксиологической, хотя принципиально новым в его риторических исследованиях считается *риторика иронии*. Главной работой У.К. Бута общепризнана «Риторика художественной литературы», в которой он утверждал, что любое повествование (narrative) — это одна из форм риторики. Под этим исследователь подразумевал то, что аргументация автора в защиту своих «различных интересов (commitments), тайных или явных, предопределяет нашу реакцию на его произведение». Большая часть этих интересов, по мнению У. Бута, опирается на *мораль* и *моральность*. Повествователь (narrator) и есть автор, или, точнее, имплицитный автор (в отечественной филологической школе этот термин закреплен за Б. Томашевским), которого У. Бут также называет авторским «вторым я»: тот, кто «выбирает, сознательно или бессознательно, что мы читаем...». В более поздней книге «Современная догма и риторика согласия» он рассматривал вопрос о том, какие обстоятельства заставляют человека менять свою точку зрения и что происходит в ситуациях, когда в споре сталкиваются две диаметрально противоположные мировоззренческие системы.

Последняя тема его исследований представляет несомненный интерес для нас, так как явления *культурного шока* и *протеизма языковой личности* журналиста, которые будут подробно рассмотрены нами в последующих главах, логично относить именно к явлениям риторического порядка.

Еще одной значительной книгой стала его «Риторика иронии», в которой ученый исследовал иронию и ее использование в литературе. В более поздней работе «Компания, которой мы дорожим: этика художественной литературы» он вновь обратился к теме риторического воздействия в художественной литературе, ратуя за «перемещение этики в центр наших занятий литературой».

Появление *литературной риторики* как еще одного направления в риторическом осмыслении дискурсивной деятельности человека связано с выходом в 1970 г. книги «Общая риторика», написанной группой бельгийских

¹⁴ Barthes R. L'ancienne rhétorique. Aide-mémoire // Communications. № 16. 1970. P. 173.

¹⁵ Лахманн Р. Демонтаж красноречия / Пер. с нем. СПб: Академический проект, 2001. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 8.

исследователей (Ж. Дюбуа, Ф. Менге, Ф. Пир, Ф. Эдлин, Ж.-М. Клинкаберг, А. Тринон). Выбор литературы в качестве объекта риторического анализа оказался в их интерпретации риторического подхода удачным. Именно благодаря моделирующим способностям литературы открывается возможность перехода к самым различным типам контекстов: «Литературный текст имитирует определенный тип коммуникации. Это может быть тип коммуникации, который не предполагает личного знакомства отправителя и получателя сообщения, и может быть тип, который это предполагает. Это может быть тип, который предполагает передачу полного изложения событий, а может быть такой, в котором передается не только целиком проанализированное и упорядоченное событие, но и сам процесс непосредственного переживания. Наконец, это может быть рассказ, письмо, речь, просьба и т.п., имитирующая непосредственное обращение к определенному получателю или не содержащие упоминания об этом получателе вовсе»¹⁷.

Важным в становлении нашей концепции видится выдвигание «группой μ » понятия *модели*, и в частности модели языковых функций Р. Якобсона, в качестве основы при изучении столь различных видов коммуникации, как поэтический язык и коммерческая реклама, политическая пропаганда и кинематограф, драматический спектакль и комикс. «Группа μ » устанавливает иерархию функций, переименовывает «поэтическую функцию языка» в «риторическую» и устанавливает, что главенствующую и всеподчиняющую роль призвано играть сообщение и соответствующая ему риторическая функция. Как следствие, риторическая функция языка становится трансцендентной (то есть изначально присущей языку, обуславливающей все другие его функции) по отношению к другим языковым функциям, и в практическом плане это дает возможность изучать проявления риторического в любом типе вербальной коммуникации, а при семиотическом подходе — и в невербальных коммуникативных системах.

Базовость, трансцендентность риторической функции заключается также и в том, что риторика выступает в качестве упорядочивающего фактора. Стремление языка к унификации, стремление всей коммуникативной системы к унификации — это процесс, в ходе которого развиваются определенные нормы. И риторика здесь выступает в качестве регулятивной силы и утверждается в качестве инстанции, формулирующей нормы. «Она принуждает к объединению центробежные силы, стремящиеся воспротивиться унификации и канонизации, поскольку множество неканонизованных языков всегда свидетельствует

о неподчиненном множестве сосуществующих культур и, тем самым, об опасности для консолидирующейся культуры. Установка же на одну культуру имеет в виду установку на один язык и, тем самым, на единую, *иерархически и функционально упорядоченную в себе коммуникативную систему*. Концепция знака, лежащая в основе риторики, подразумевает ясное представление об однородном языке с точными признаками отграничения по отношению к неунифицированной, или, лучше сказать, к аморфной области языковой неоднородности. Везде, где риторика вносится в до сих пор *свободное от нее, т. е. ненормированное, коммуникативное пространство*, она принимает на себя эту регулятивную функцию (курсив везде наш. — И.А.)»¹⁸.

В связи с этим и конечная цель и основная задача риторики определялась «группой μ » как *порождение этоса*, т.е. «аффективного состояния *получателя* (курсив наш. — И.А.), которое возникает в результате воздействия на него какого-либо сообщения и специфические особенности которого варьируются в зависимости от нескольких параметров»¹⁹.

Это замечание принципиально важно для становления концепции медиариторики, так как помогает разграничить области прагматики и риторики, которые часто смешивают (хотя общее в их предмете и объекте, несомненно, есть). В прагматике в центре речевого события всегда стоит *адресант*, в риторике речевые действия адресанта предопределены и заданы аудиторией, т.е. *адресатом*: «...под прагматикой языка понимается проявление в передаваемой речевой информации позиции и точки зрения говорящего, его коммуникативных интересов, ориентации в мире и ситуации общения, что составляет содержание понятия лингвистического эгоцентризма, или субъективности говорящего»²⁰. Именно в связи с деятельностью «группы μ » в мировой филологии появляется термин «*общая риторика*».

Совершенно особое положение занимает риторика среди гуманитарных наук в США. Общеизвестными считаются три ведущих американских научных школы: традиционная риторика, риторическая критика и риторическая метафорология Майкла Осборна и его последователей²¹. Первая из названных школ занималась анализом

¹⁷ Майенова М. Теория текста и традиционные проблемы поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. Сборник трудов. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 433.

¹⁸ Лахманн Р. Демонтаж красноречия / Пер. с нем. СПб: Академический проект, 2001. С. 15.

¹⁹ Todorov T. Littérature et signification. Paris, Larousse, 1967. С. 264.

²⁰ Шелякин М.А. Очерки по прагматике русского языка. М.: Русский язык; Дрофа, 2010. С. 3.

²¹ См. об этом: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.; Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.

текстов с позиций традиционной аристотелевской риторики и опиралась на античную теорию риторических фигур и тропов. Специфика именно американского подхода заключалась в эмпирическом материале, который и подвергался риторическому анализу. В основном это были официальные *устные* выступления президентов США и других политических лидеров. Способы убеждения именно в публичных речах были предметом исследований этой риторической школы Америки. Впоследствии она расширила сферу своих интересов и включила в область исследований риторику речи на телевидении, радио, в кино, вплоть до анализа убедительности в межличностной коммуникации. Такое расширение представлений о предмете риторического анализа сблизило традиционную риторику с риторической критикой.

В чем же специфика именно риторической критики? Для нас ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение. Риторическая критика — направление, которое демонстрирует аккумуляцию аналитического направления в теории риторики XX в. Э.В. Будаев и А.П. Чудинов называют риторическую критику «идеологическим поворотом» и считают, что она начала развиваться в 1950-1960-е гг. XX в. после выхода в свет книг Эдвина Блэка и Мари Николс²². Между тем «возраст» риторической критики значительно старше: она интенсивно развивалась на протяжении всего прошлого века, начиная со статьи Герберта Вичелнза 1925 г. «Литературная критика ораторских речей». Родство риторики и риторической критики обозначено в самом названии этих дисциплин. Риторика — это филологическая дисциплина, изучающая отношение мысли к слову, она традиционно разрабатывает правила, позволяющие воплощать мысль, идею, замысел в слове, в речи. А риторическая критика, по сути, обратно пропорциональна риторике: она изучает слово, чтобы выявить идеи, которые в этом слове выражены. Можно сказать, что риторическая критика — это филологическая дисциплина, которая изучает отношение слова к мысли. Как пишет В.В. Смолененкова, «такая близость риторики и риторической критики ставит под сомнение необходимость разводить эти два способа анализа отношений мысли и слова в две отдельные дисциплины. И, действительно, <...> европейская традиция оставила эти два направления в пределах одной дисциплины — риторики. Однако развитие риторической критики в США привело к выработке совершенно новых методов анализа отношения слова к мысли, которые зачастую сильно расходятся с методами традиционной риторики»²³.

Во многих определениях этой дисциплины обязательно объединяются три ключевых момента: анализ, жанровая классификация и оценка высказывания. Поэтому для дефинирования этой риторической отрасли следует, во-первых, определить ее структурные элементы и, во-вторых, установить те составляющие виды деятельности, которые она включает. К структурным элементам риторической критики как всякой человеческой деятельности относятся 1) *критик*, стремящийся к максимально эффективному и последовательному анализу (структурный элемент *субъект*); 2) любой *продукт* человеческой деятельности, имеющий *замысел*, *целеполагание*, или *интенцию* (структурный элемент *объект*): при более узком (исключительно филологическом) понимании *объектом* риторической критики оказывается *убеждающий дискурс*; 3) анализ процессов регулирования общественного мнения и улучшение стандартов риторических произведений (структурный элемент *цель*); 4) *критическое эссе* (структурный элемент *продукт*); 5) *риторический акт* и *риторический артефакт* (структурный элемент *предмет*); 6) *отбор, описание, классификация, интерпретация, оценка* риторических произведений (структурный элемент *процедура*); 7) личность автора, аудитория, культурный и историко-политический фон, резонанс, вызванный данным риторическим актом (структурный элемент *внешние условия*). Компоненты структурного элемента «*процедура*» одновременно представляют собою составляющие вида деятельности риторической критики.

Важная для нашей концепции междисциплинарность, или полигуманитарность, современной риторики подтверждается тем, что, например, та же риторическая критика взаимодействует с такими филологическими дисциплинами, как литературная критика, литературоведение, поэтика, и в некоторой степени — с теорией и историей литературы. Риторическая критика в США выросла не столько из риторики, сколько из литературной критики, которой она себя противопоставила (статья Г. Вичелнза «Литературная критика ораторских речей» как раз критиковала методологию литературной критики). Удобнее всего было бы разграничить сферы интересов литературной и риторической критики через оппозицию объекта их изучения: «художественное произведение», «произведение литературы» — у литературной критики и «риторическое произведение», «ораторские речи» — у критики риторической. Однако художественное произведение может быть «риторично» и, следовательно, «поддаваться» риторическому анализу, а выдающиеся речи могут представлять собой само-

²² Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.

²³ Смолененкова В.В. Понятие риторической критики // Московский государственный университет им. М.В. Ломо-

носова. Филологический факультет. Кафедра общего и сравнительного языкознания. Библиотека: Публикации сотрудников кафедры // URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_49.html: Oct 22, 2006, 16:26.

достаточные художественные произведения, со своей собственной системой образов и развитием сюжета.

Таким образом, то, что различает литературную и риторическую критику, — это не столько собственно объект исследования, сколько подход к этому объекту. Литературную критику в произведении слова интересует прежде всего эстетический аспект; риторическую — аспект авторского целеполагания, его интенций и фактор адресата речи.

Наиболее четко и доступно различия поэтики (литературной критики) и риторики сформулировал в свое время Виктор Владимирович Виноградов: «Поэтика и риторика — устанавливают разные типы литературных структур и вместе с тем рассматривают разные формы бытия одного и того же литературного произведения. Если поэтика изучает структуру литературного произведения отрешенно от его “внушающих” и “убеждающих” тенденций, независимо от его направленности к воздействию на слушателя и независимо от форм, которыми оно, это экспрессивное воздействие, связанное с “образом слушателя” и с особым культурно-бытовым контекстом, осуществляется, то риторика прежде всего исследует в литературном произведении формы его построения *по законам читателя* (курсив наш. — И.А.)»²⁴.

Есть и еще два принципиальных различия: 1) оценка произведения прошлого и настоящего: в рамках литературной критики она производится с позиции современных ценностей, а в рамках риторической критики — с позиции как настоящего, так и прошлого, с которым произведения прошлого связаны онтологически и гносеологически; 2) отношение литературоведческого и риторического анализа к эстетической компоненте речевого произведения: для риторики она второстепенна (хорошей может оказаться речь художественно бедная), для литературы — первична. Методы анализа и оценки, применяющиеся в риторической критике, в большинстве своем сконцентрированы на взаимосвязи и взаимовлиянии экстралингвистических и лингвистических компонентов произведения слова и реализации целеполагания в речи. Методы литературной критики, в первую очередь, ориентированы на художественную ценность произведения как такового, на раскрытие смыслов, обнаруживающихся в тексте, во вторую — на раскрытие личности автора и рефлексии восприятия критика. Вместе с тем, в методологии литературной и риторической критики закономерно обнаруживаются некоторые сходства. Для анализа языковых средств обе дисциплины используют инструментарий, заимствованный ими у риторики (фигуры речи, тропы, композиционные элементы) и у

лингвистики (лексические, синтаксические, стилистические конструкты). Кроме того, в силу многозначности художественного слова и риторический, и литературный анализ включают в себя его интерпретацию как способ познания и осмысления.

Но в своем современном виде в кругу филологических дисциплин риторическая критика, генетически связанная с риторикой и литературной критикой, оказывается методологически ближе всего к языкознанию и тем лингвистическим дисциплинам, которые активно изучают функционирование языка, речи, высказывания, их взаимодействие с экстралингвистическими факторами. Вот как об этом пишет В.В. Смолененкова в уже указанной ранее работе: «Тот факт, что риторическая критика занимается изучением отдельного акта коммуникации — высказывания, дает основания относить риторическую критику и ее теорию к области общего языкознания. Риторическая критика приходит к каким-то выводам на основе анализа текста/речи, и это позволяет ей, с методологической точки зрения, быть ближе всего к языкознанию, ближе, чем даже сама риторика. Риторика анализирует мысль, идеи, нравы, чтобы синтезировать текст. Риторика изучает особенности построения высказывания. Риторическая критика эти построенные высказывания анализирует. В своих методах анализа текста она напрямую обращается к таким разделам языкознания, как стилистика, семантика, прагматика, текстология. В стремлении проанализировать влияние отправителя и получателя речи на саму речь, риторическая критика обнаруживает близость к таким лингвистическим дисциплинам, как прагматика, психолингвистика, герменевтика, социолингвистика, теория коммуникации. Языкознание является основным методологическим источником риторической критики. Вместе с тем, риторическая критика не только использует наработки лингвистики, но и одновременно обогащает ее. Вкладом риторической критики в языкознание можно считать метод контент-анализа, учение о роли метафоры в коммуникации, выявление новых механизмов влияния получателя речи на текст и на отправителя речи»²⁵.

Как видим, *американская риторическая критика* по объекту и предмету анализа совпадает с европейской *неориторикой*. Это позволяет рассматривать ее как американский вариант интерпретации современного риторического знания.

²⁴ Виноградов В.В. О художественной прозе // Он же. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 115-116.

²⁵ Смолененкова В.В. Понятие риторической критики // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра общего и сравнительного языкознания. Библиотека: Публикации сотрудников кафедры // URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_49.html; Oct 22, 2006, 16:26.

Для формирования и развития теоретических основ медиариторики важна еще одна концепция риторических исследований в США, которая связывается с именем Майкла Осборна. М. Осборн обратил пристальное внимание на архетипические метафоры в структуре политической коммуникации, в частности — в речах политических деятелей, обращенных к массовой аудитории и направленных на присоединение этой аудитории к мнению оратора. Эти архетипические метафоры присутствуют, по мнению ученого, в коммуникативном акте вне зависимости от времени, культуры и географической локализации адресанта и адресата (коммуникантов). Метафоры, использующие образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации, служат основой не только понимания людьми друг друга, но и политического воздействия и убеждения адресата адресантом. М. Осборн сформулировал шесть постулатов архетипичных метафор в публичной коммуникации. Эти постулаты стали стержнем современной политической риторики США²⁶.

В 1980-е гг. была также разработана так называемая *теория риторической структуры*, которую предложили в качестве моделирующей структуры дискурса Уильям Манн и Сандра Томпсон²⁷. В общих чертах теорию риторических структур можно охарактеризовать как учение о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи называются *риторическими отношениями*. И хотя авторы данной теории указывают на то, что термин «*риторические*» не имеет принципиального значения, думается, что это не так. Именно с помощью этого термина указывается на то, что *каждая единица дискурса существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной цели*. Единицы дискурса, вступающие в риторические отношения, могут быть самого различного объема — от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы).

Для теории медиариторики очень важно замечание американских исследователей о том, что дискурс устроен иерархически, но для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения. Иерархия — это способ организации любой системы

в некое целостное единство, это стержень, на который можно нанизывать компоненты этой системы, но не произвольно, а в соответствии с четко определенной моделью. В риторике иерархии подчинено все: от системы внешних топосов, до системы фигур и тропов, если речь идет об их онтологической функции. Поэтому идея иерархии видится нам как продуктивная в риторическом моделировании медиадискурса.

Авторы *теории риторической структуры* неоднократно подчеркивали в своих работах возможность *альтернативных трактовок* одного и того же текста, т.е. даже формальная структура формальных грамматико-семантических и грамматико-синтаксических отношений может быть разной при вариантах интерпретации того или иного текста. При этом они не рассматривают это как дефект данного подхода, а видят в нем проявление естественной множественности понимания высказывания (текста) как со стороны адресата, так и со стороны адресанта. Более того, и они, и другие исследователи (Matthissen, Fox) утверждают, что *теория речевой структуры* не только демонстрирует, как дискурс устроен «на самом деле», но и в значительной степени сама *моделирует реальность*. Подобный подход к пониманию текста как фрагмента действительности и в целом самой действительности позволяет говорить о возможности риторического моделирования этой действительности, или, как принято говорить, картины мира.

Сегодня риторике принадлежит центральное место и в системе теоретического гуманитарного знания, и в системе учебных предметов в США. Американскую риторику называют «*самым совершенным инструментом манипуляции общественным сознанием*»²⁸. Она насущно необходима в культуре *массовой информации* и *массовой коммуникации*, в мире масс-медиа и, естественно, занимает там самый верх «пирамиды знания», что в какой-то мере сближает ее с риторикой в Древней Греции. Риторика в США не просто наука: она предмет государственной идеологии. Риторика в американской школе как общее учение о целесообразном построении речи включает знание о нормативности речи (в том числе орфографию и орфоэпию) и грамматику. Центральный предмет подготовки по родному языку в США — именно риторика. В американских учебных заведениях так же, как и в теоретической американской филологии, риторика понимается и как наука, и как искусство — знание, превращающееся в действенное умение.

²⁶ См. об этом: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.; Скворцов О.Г. Риторическое направление в исследовании семантической сферы “LIGHT/DARKNESS” (по материалам политической коммуникации) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 42.

²⁷ Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. P. 243-281.

²⁸ Михальская А.К. Основы риторики. 10-11 кл.: Учебник для общеобразоват. учреждений. 2-е изд., с измен. М.: Дрофа, 2001. С. 33.

В Японии в 1940-е гг. возникла собственная риторическая теория, получившая название «теория речевого существования», или «теория речевых действий». Она исследует, какие формы способно принимать речевое общение между людьми и каким правилам вообще подчиняется речевое поведение человека. По мнению японских исследователей риторики, *внимание к другим* будет важнейшим фактором коммуникации будущего.

Мы считаем, что такой подход японских ученых близок концепции Х. Перельмана и Э. Левинаса с их мессианским отношением к проблеме этических оснований теории риторической коммуникации, в частности к истолкованию проблем *ответственности* и *справедливости* как *базисных конфигураций этоса*. *Другой* как авторитет, как носитель значимой позиции (например, традиции) предполагает ассимиляцию, интериоризацию, и риторическая коммуникация как форма персуазивного воздействия тотально детерминируется концептом *Другого*. Не просто тематизация, а претативизация (усматривание) иерархического порядка самого феномена общения (персонифицированный диалог, диалог культур, традиций и др.) определяется идеей асимметрии и утверждения приоритета *Другого* как уникального.

Такова аксиологическая установка понимания этоса в современной неориторике, и медиариторика органично вбирает ее в себя. Современная трактовка риторики, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что игнорирование, пренебрежение мнением и знаниями *Другого* — это, в сущности, игнорирование этоса как компоненты риторической деятельности, это, в конечном счете, антириторичное поведение ратора-адресанта (в рамках медиариторики — журналиста) по отношению к адресату (в медиариторике — массовой аудитории).

Краткий обзор основных риторических концепций в зарубежной науке XX в. позволяет осмыслить возрождение риторики как назревшую необходимость в гуманитарной сфере знания. Все направления и движения риторической мысли были, как нам представляется, нацелены на синтез филологического и философского осмысления бытия, отраженного в различных дискурсивных практиках, на стремление сформировать особый подход к описанию различных типов дискурса, который базировался бы на целостности парадигмы лингвистического знания, а также на возрождении и акцентации аксиологической компоненты самой риторики с ее воспитательной функцией.

Свой путь прошла риторика и в России. В чем-то он протекал параллельно пути европейскому, в чем-то — пересекался. Пересечения были связаны в основном с взаимным заимствованием идей, в XX в. очень часто идеи переносились с русской почвы на западно-

европейскую, подчас, к сожалению, без ссылок на источник. «Гуманитарии России находятся по отношению к западным за стеклом, прозрачным только в одну сторону. Русские ученые прилагают чрезвычайные усилия, чтобы следить за достижениями мировой науки в своей области, западные ученые замечают русских, если их профессиональный интерес касается русских как таковых или регионального сырья. За исключением нескольких харизматических фигур, как М.М. Бахтин или В.Я. Пропп, русских ученых рассматривают скорее как информантов, нежели как коллег. <...> Западное научное сообщество предлагает своим членам не только пройти основательную школу, но и подчиниться мощному давлению традиций и норм. В “отсталости” и маргинальности русской науки содержался и может содержаться потенциал самостоятельности и открытия нового. А каналы вхождения результатов русской гуманитарной науки в мировую предполагают терминологическую и ценностную адаптацию и как наиболее эффективный способ таковой — присвоение этих результатов “своим” авторитетом» [Брагинская 2009: 26-28].

Кризис риторики как учебной дисциплины для России начался примерно в середине XIX в.: сведение ее в преподавании исключительно к техническим навыкам, изъятие философско-воспитательной и этической компоненты предопределило угасание риторики и раздробление на более частные дисциплины (поэтика, теория текста, герменевтика текста и т.п.). Вытеснение риторики в название учебных пособий словесностью и провозглашение А.А. Потембей и А.Н. Веселовским художественной литературы в качестве основного вида этой словесности привело к падению престижа риторической науки в России.

Престиж риторики как теоретической дисциплины падал, несмотря на расцвет практического красноречия:

- конфронтационного по своей сути судебного (в золотой фонд русского ораторского искусства входят речи известнейших юристов П.А. Александрова, С.А. Андреевского, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, Н.И. Холева);
- академического, представленного именами И.С. Сеченова, Д.И. Менделеева, В.О. Ключевского, К.А. Тимирязева, С.П. Боткина, И.В. Склифосовского;
- нарождающегося «парламентского» красноречия: престиж старой риторики не возродился даже в период Октября, когда убеждение и переубеждение масс стало неотъемлемой частью ежедневного бытия народа.

Вспомним, что уже в 1918 г. в Петрограде усилиями С.М. Бонди, В.Э. Мейерхольда, А.В. Луначарского, Л.В. Щербы, Н.А. Энгельгардта, Л.П. Якубинского открылся первый в мире Институт живого слова, и

преподаватели этого Института предлагали программы курсов лекций по теории красноречия и теории спора. Появляются еще до 1930-х гг. исследования, посвященные этой теме:

- «Программа курса лекций по истории красноречия/«риторики» (машинописная рукопись) Н.А. Энгельгардта;
- «О границах ораторской речи» К.А. Сюннеберга²⁹;
- перевод книги Антуана Альбала «Искусство писателя. Начатки литературной грамоты»³⁰.

Но это были единичные попытки возродить риторику, и системного характера они не имели. В советский период многие принципы риторики перешли в раздел науки, которая называется *культурой речи* и которая является специфически отечественным дисциплинарным образованием. Постоянные в 1960-е гг. выпуски сборников по культуре речи под редакцией С.И. Ожегова в какой-то мере заполняли лагуну отсутствия изучения собственно *словесности* во всех ее проявлениях, а не только в рамках языка художественной литературы.

Предвестниками возрождения риторики как науки на отечественной почве стали работы В.В. Виноградова, А.Ф. Лосева, О.М. Фрейденберг, Г.О. Винокура.

В 1960-1970-е гг. с публикацией в СССР работ по истории и теории риторики (С.С. Аверинцев, Г.З. Апресян, В.П. Вомперский, Т.Г. Винокур, А.Ф. Лосев, Е.А. Тахо-Годи) начинается выход из «риторического кризиса». Сегодня элементы риторического подхода можно узреть как

- в собственно риторических исследованиях по истории, теории, методологии и практике риторики (С.С. Аверинцев, В.И. Аннушкин, А.А. Волков, А.А. Ворожбитова, С.И. Гиндин, Л.К. Граудина, С.Ф. Иванова, Е.Е. Корнилова, Н.А. Купина, Т.А. Ладыженская, Ю.М. Лотман, Т.В. Матвеева, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский, А.П. Сковородников, Г.Г. Хазагеров, Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина, Е.А. Юнина и др.),
- так и в работах, написанных в аспектах, относящихся к области «литературной риторики» и собственно литературоведения (С.С. Аверинцев, П.Е. Бухаркин, М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, В.И. Тюпа и др.),
- когнитивной лингвистики, прагматики, семиотики, психолингвистики (А.Н. Баранов, О.С. Иссерс,

²⁹ См. об этом: Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М.: Наука, 1989. 256 с.

³⁰ Альбала А. Искусство писателя: Начатки литературной грамоты / Пер. с фр. И.Б. Мандельштама / С предисловием А.Г. Горнфельда. Петроград: Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е.В. Высоцкого, 1924. 168 с.

П.Б. Паршин, Н.А. Безменова, Г.Г. Почепцов, В.З. Демьянков, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.).

Важным этапом в формировании *лингвофилософской* интерпретации риторического знания следует признать труды А.М. Пятигорского и М.К. Мамардашвили. Сегодня в этом направлении активно работают Н.С. Автономова, О.И. Марченко, М.В. Михайлова, В.П. Океанский, С.Б. Степаненко, В.И. Тюпа и др. Такой взгляд на риторику примиряет извечный спор философов и филологов.

Сторонниками возрождения традиционной риторики как «искусства красно говорить» с учетом новых научных достижений и исследователями истории риторики в России общепризнаны такие ученые, как В.И. Аннушкин, Л.К. Граудина, С.Ф. Иванова, Т.А. Ладыженская, А.К. Михальская и многие другие. Труды этих исследователей стали базовыми в формировании новой предметной дисциплины в средней и высшей школе — риторики. Однако следует признать, что все они формируют еще и новое понимание риторики в жизни современного общества. Именно они настаивают на важнейшей аксиологической компоненте риторики как сущностной для этой науки. И в этом смысле их изыскания сопоставимы с изысканиями зарубежных лингвистов, о которых мы писали выше.

Так, А.К. Михальская вводит в современную общую риторику очень важное понятие *национального риторического идеала*. Она настаивает на том, что риторика обобщает опыт общественно-языковой практики и имеет дело с произведениями слова — высказываниями и нормами аргументации, отложившимися в культуре *конкретного общества*: «Существуют русская, французская, американская риторика, каждая из которых изучает специфический для каждой культурно-языковой общности тип языковой личности и характер речевых отношений. Поэтому возможны общая и частная русская риторика, общая и частная американская риторика, общая и частная французская риторика, но невозможна риторика универсальная»³¹. При этом, однако, продолжает сохраняться преемственность общепринятой для всех национальных риторических школ традиционной риторической терминологии, что дает основания понимать аргументацию как *культуру мышления* и слова.

Мы абсолютно согласны с А.К. Михальской в том, что строй и система понятий русской риторики приспособлены к культурной традиции и задачам такой идеологической организации общества, при которой техника аргументации подчинена более высоким мировоззренческим принципам. Это обусловлено тем,

³¹ Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Академия, 1996. С. 12.

что русское общество, с его идеалами, нравственными нормами, техникой мышления, приемами организации и управления, сложилось и развивалось *в традиции европейской православной культуры*. Эта же причина заложена *в отсутствии психологической трактовки личности в русской риторике*, русская риторика не использует общественное мнение как критерий правильности аргументации, она также не является суммой рецептов для достижения личного успеха или манипуляций общественного мнения. А.К. Михальская глубоко разработала структуру понятия *русский риторический идеал*³², связав его с традиционным риторическим учением *о нравственном образе ратора*. Такой подход исследователя вписывается в представление о том, что каждая национальная риторика формирует свой национальный тип языковой личности, каждая риторика (особенно европейские, и русская в частности) использует уже сложившуюся исторически классическую риторическую терминологию.

Такого же представления о месте ратора (адресанта как создателя текста и адресата как получателя и интерпретатора текста) в контексте риторической коммуникации придерживается и В. И. Аннушкин: «... изобретение касается мыслей и свидетельствует о связи риторики с общественной идеологией и небезразличии к образу человека, который получается через обучение словесным наукам»³³. Восстановление роли риторики как воспитательной дисциплины — пафос многих работ этого ученого. В сущности, это пафос восстановления функции пайдеи (воспитания), и прежде всего — воспитания мысли современного человека, которая формируется посредством различных риторических приемов в рамках различных видов *словесности*. В.И. Аннушкин настаивает на том, чтобы дополнить современное гуманитарное филологическое знание понятием *словесность*, но не в узком (язык художественной литературы), а в широком плане, *с логосической, мироустраивающей функцией*³⁴. «Русская теория риторики, — пишет исследователь, — имеет то несомненное преимущество в сравнении с античными и некоторыми западными теориями, что тяготеет к освоению всех возможных видов речевого общения (устных, письменных, книжных, а сегодня и массовой информации). Современная теория речи, основываясь на идеях русской частной риторики, требует изучать не только художественную литературу и фольклор (виды словесности, которыми

ограничено сегодняшнее школьное обучение), но, начав с разговорно-бытовой дописьменной речи как основы речевого воспитания, показать разные виды письменной речи (собственно писем, деловой документации), виды литературы (не только художественной, но и научной и журнальной), обучать реальному общению в групповом взаимодействии, ораторской речи в разных ее видах, наконец, показать специфику (достоинства и опасность) речи средств массовой информации. Последняя задача стоит особенно остро, поскольку далеко не разработана самими учеными-филологами. Однако именно учитель-словесник (в нашем понимании ритор, а не литератор) может показать природу речевых манипуляций, которыми переполнена массовая информация, объяснить природу компьютерного диалога человек-машина. Ведь *именно риторика учит оценивать речь*, тем самым предупреждает современного человека против опасности словесного манипулирования, что нередко делается против него в современных общественных диалогах. Одним словом, *только современная теория словесности, включая риторику, способна объяснить сложность современного информационно-речевого мира* (курсив везде наш. — И.А.)»³⁵.

Риторический ренессанс в отечественной науке связан также с именами Ю.В. Рождественского и А.А. Волкова. Ю.В. Рождественского часто называют «восстановителем риторики» в России. «Теория риторики», «Общая филология», «Принципы современной риторики» — книги, в которых Ю.В. Рождественский определил и аргументировал место риторики в структуре современного гуманитарного знания. Заявляя статус риторики как «искусства управления общественными процессами», ученый на первый план выдвигал связь этой дисциплины с культурой и моралью. В такой позиции прослеживается стремление восстановить античную воспитательную функцию риторики, основанную на доминанте аксиологической компоненты. (В связи с этим им были также созданы словари терминов: «Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика»³⁶; «Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование»³⁷).

На наш взгляд, важнейшим достижением, расширяющим объект риторических исследований, в трудах

³² Там же.

³³ Аннушкин В.И. Что есть риторика и возродится ли она в России? // URL: http://www.pereplet.ru/text/annushkin_6.html.

³⁴ Аннушкин В.И. О классическом и современном употреблении термина словесность // Русская речь. 2005. № 6. С. 30-35.

³⁵ Аннушкин В.И. Что есть риторика и возродится ли она в России? // URL: http://www.pereplet.ru/text/annushkin_6.html.

³⁶ Рождественский Ю.В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 88 с.

³⁷ Рождественский Ю.В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Культура. Образование. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 112 с.

Ю.В. Рождественского следует признать то, что он связал риторiku со всеми видами словесности, а не только с ораторской речью, как это было в период античности, и то, что сфокусировал внимание на влиянии риторики в процессе усовершенствования речи не только частного лица, но и общества как носителя культурных традиций в целом. Исходя из условий существования современного информационного общества, ученый обратил свой взор на массовую информацию и массовую коммуникацию как объект риторических исследований. Бытие современного человека внутри общества массовой культуры определяет, по мнению Ю.В. Рождественского, и задачи современной риторики: «Обилие текстов в информационном обществе выдвигает первую задачу риторики. Первая задача риторики состоит в умении быстро воспринимать речь во всех видах слова и извлекать нужные смыслы для принятия оперативных решений, не давая себя увлечь, сбить на деятельность, невыгодную себе и обществу. Вторая задача риторики есть умение изобретать мысли и действия и увлекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам. Это значит уметь создавать монолог, вести диалог и управлять им, управлять системой речевых коммуникаций в пределах своей компетенции»³⁸.

Как видим, Ю.В. Рождественский не только развивает концепцию понимания риторики как науки о выявлении закономерностей в отношении между мыслью и речью, но и предлагает рассматривать риторiku как *антиманипуляционный механизм*, помогающий современному адресату, опираясь на базовые понятия культуры, противостоять манипуляции сознанием, которая формирует сегодня тексты массовой информации и массовой коммуникации.

Концепция понимания риторики, предложенная Ю.В. Рождественским, получила развитие в трудах А.А. Волкова. Он предложил важное для риторической науки представление о иерархичности внешних топосов, с помощью которых формируется аргументация любого речевого высказывания. В такой репрезентации топика заложено именно «ценностное» представление о ней. Теоретическим основоположником «ценностного» направления в современной риторике, как мы уже говорили ранее, стал Х. Перельман. В определении общих мест — как «заголовков, под которыми могут быть классифицированы аргументы», как «хранилищ аргументов», как «отправных пунктов аргументации» — он, собственно, вернулся к аристотелевскому значению термина³⁹. По мнению

А.А. Волкова, понятие ценностного суждения, оценки изменяет сам характер предмета риторики: именно оно позволяет в современных условиях изучать проблемы аргументации, *не противопоставляя риторiku философии* и не подчиняя ее формальной логике.

Объединение философии и риторики в современных гуманитарных изысканиях кажется нам симптоматичным и принципиальным. Возврат к риторике как самостоятельной гуманитарной дисциплине актуализирует внимание ученых к философии языка, ведь «первоначально *проблемы языка* в Древней Греции являлись *предметом философских рассуждений* и лишь позднее стали разрабатываться в более конкретном грамматическом плане (курсив везде наш. — *И.А.*)»⁴⁰.

Интересен анализ дихотомии философии и риторики в статье С.Б. Степаненко «Философия и риторика»⁴¹. По мнению исследователя, «исторически риторика оказывалась для философии реальным или условным противником, в идеологической борьбе с которым конструировалось самопонимание философии», но после «так называемого “лингвистического поворота” *риторическое* получает шанс быть осмысленным в философии как *универсальное измерение мысли* (курсив наш. — *И.А.*)»⁴². Та оппозиция философии и риторики, которая традиционно считалась классической («На стороне философии — вещи, истины, знание. На стороне риторики — слова, кажимость, мнение»⁴³), сегодня уже не воспринимается как аксиоматичная. После утверждения Ж. Лакана о том, что бытие есть «эффект речи» и что «не существует никакой додискурсивной реальности», понимание бытия как статичной субстанции в философии меняется на диаметрально противоположное: «Язык не только “выражает” — высказывает то, что я вижу, высказывает то, что есть (феноменология, онтология) <...>, он *обладает* способностью изменять другого или меня самого, а значит, способностью творить, *создавать мир эффекта* (курсив везде наш. — *И.А.*)»⁴⁴. Вместо традиционной оппозиции уже М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер, например, предлагали обозначать *истину, предмет и язык* в некотором смысле как одно. Уточняя такое изменение, С.Б. Степаненко коррелирует концепции названных философов, утверждая, что «истина не находится вовне — она есть свойство предложений,

³⁸ Цит. по: Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: В 2-х кн. / Кн. 1. Теория: Учеб. пособие. 2-е изд., стереотипное. М.: Высшая школа, 2008. С. 27.

³⁹ Perelman C. Le Champ de l'argumentation. Bruxelles: Presses Universitaires de Bruxelles, 1969. P. 84.

⁴⁰ Психоллингвистика: Учебник для вузов / Под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: ПЕР СЭ, 2006. С. 17.

⁴¹ Степаненко С.Б. Философия и риторика // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 5-9.

⁴² Там же. С. 5.

⁴³ Там же. С. 6.

⁴⁴ Cassin B. Voir Hélène en toute femme: d'Homère à Lacan. Paris: Sanofi-Synthelabo, 2000. P. 152.

описаний мира»⁴⁵ и что «истина более не противостоит языку, а становится языковым свершением»⁴⁶. Отдельно исследователь останавливается на отношениях между риторикой и герменевтикой, что очень важно для нашей трактовки современного понимания риторики как методологической базы для осмысления коммуникативной природы культуры в целом. Позволим себе привести достаточно обширную цитату из названной статьи С.Б. Степаненко:

«Традиционно риторика и герменевтика противопоставлялись по линии “создание текста/понимание текста”. Риторика рассматривалась как наука о порождении текста, герменевтика — как наука о понимании текста. У этих дисциплин разные адресаты: риторика обращается к говорящему, герменевтика — к слушателю, читателю. (Здесь исследователь явно опирается на понимание риторики как «тэхнэ». — И.А.)

Однако применительно к современной философской герменевтике эта оппозиция должна быть определенным образом модифицирована. Во-первых, понимание, точно так же как и создание текста, носит активный характер. Парадоксальным образом понимание остается творческим даже в качестве претерпевания. Во-вторых, создание текста — это также понимание и истолкование. Рассказывая, я не обязательно выражаю какое-то готовое содержание — этот случай нельзя признать риторикогенным. Риторически значимой является такая ситуация, когда, рассказывая, я одновременно истолковываю вещи и понимаю себя. *Как в герменевтике, так и в риторике мы одинаково имеем дело с пониманием ситуации и самопониманием.*

Еще один аспект философской актуальности риторики <...> связан непосредственно с вопросом о предмете философии. В качестве такого предмета может быть рассмотрен единый мир — в противоположность частным мирам. Существуют отличающиеся друг от друга частные миры — студентов, преподавателей, собирателей марок и автолюбителей. Мир науки — один из таких частных миров, хотя и особый, претендующий на статус единственного, “истинного” мира. Однако возможность философии связана с выходом за пределы частных миров к миру универсальному. Такой мир не может быть ни одним из частных миров, ни суммой этих миров. Это может быть только горизонт, вырастающий из частных миров в процессе их *трансцендирования*, которое *принципиально возможно в любой коммуникации. Именно в качестве рефлексии над опытом такой коммуникации философия неизбежно оказывается*

обращенной к сфере риторического» (курсив везде наш. — И.А.)⁴⁷.

Такое понимание риторики и риторического позволяет нам использовать эту науку при исследовании и моделировании такого сложного философского явления, как картина мира. Опираясь на традиционные риторические понятия, мы дополняем их научно-терминологическим тезаурусом современных дисциплин. Для медианауки это тем более актуально, так как медиапространство и медиакартина мира формируются за счет различных (если не всех) эффективных семиотических систем и знаков: от языка во всех его проявлениях (графическом, фонетическом, грамматическом, семантическом и т.п.) до «черного квадрата», если под ним понимать пустоту.

В обновлении риторического знания и осмыслении риторики как лингвофилософской дисциплины мы отдаем должное трудам П.Е. Бухаркина, В.И. Тюпы, Г.Г. Хазагерова, В.П. Океанского и некоторых других отечественных ученых. Их концепции риторического понимания текста и дискурса включены в контекст нашего исследования в качестве объектов научной дискуссии или, наоборот, в качестве подтверждения выдвинутой нами гипотезы. Здесь мы остановимся лишь на принципиальных вопросах, которые кажутся нам существенными для понимания места риторики в ряду других филологических дисциплин и для акцентирования связи наших идей с идеями современных исследователей риторики.

Нам близка научная позиция Г.Г. Хазагерова, поскольку его теория риторических фигур тесно связана с его представлением о ядре этой науки, а именно — о языке. В книге «Политическая риторика» (2002) он пишет, что пристальное внимание к языковым риторическим средствам связано у него не только с тем, что это наиболее сложный и наименее разработанный раздел риторики в учебниках и монографиях нового времени: «Я пошел на это сознательно, понимая, что легче читать советы о том, как держаться перед аудиторией, чем вдумываться в тонкости языковых построений. Но искусство риторики предполагает в первую очередь владение языком»⁴⁸. На «риторической волне» конца 1990-х — начала 2000-х гг., когда за риторические пособия выдавались книги, ни слова не говорившие о языковой составляющей этой науки, такое постулирование подхода к риторике было принципиальным.

Подтверждение нашему представлению о современной *риторике как о лингвофилософской дисциплине*, т.е. как о сущностном знании («эпистеме») о коммуникативной природе культуры в целом, встречаем в трудах

⁴⁵ Степаненко С.Б. Философия и риторика // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 6.

⁴⁷ Там же. С. 8-9.

⁴⁸ Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. С. 6.

В.И. Тюпы⁴⁹. Они же стали источником осмысления типологии дискурсов внутри медиадискурса. Работа этого исследователя «Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике» (2010), на наш взгляд, очень своевременна и актуальна, так как правильно расставляет акценты в понимании риторического, или металингвистического, наследия М.М. Бахтина, особенно в области *теории речевых жанров*. В ней же содержится концепция *риторической картины мира*, которая, как нам кажется, сегодня должна быть включена в систему сложившейся в современной науке типологии картин мира.

Конечно, каждый из названных здесь исследователей не замыкается в каком-то одном направлении, и его труды могут содержать и методологические изыскания, и историко-культурный обзор риторических концепций, и синтез прагматических, когнитивных и риторических исследований. Важно то, что сегодня риторика в отечественной (как и в зарубежной) филологии не просто перешла в разряд полноправных наук, а, объединив в себе достижения семиотики, лингвистики, герменевтики, эстетики, психологии, теории коммуникации, в качестве дискурсоведения, или коммуникатологии, приобрела *фундаментальное методологическое значение для всего комплекса гуманитарных научных дисциплин*⁵⁰.

В физике есть понятие *когерентного луча*: формируя из разных потоков единый мощный энергетический поток, лазер обеспечивает на выходе когерентный луч. Нам представляется, что риторика сегодня — это некий когерентный луч филологических дисциплин (стилистики, когнитивистики, прагматики, психолингвистики, лингвистики, лингвокультурологии). Собственно, тех дисциплин, которые она породила. При этом риторика, поскольку в ней наличествует очень важная *аксиологическая* компонента, выступает как некое *мировоззрение*. Причины мировоззренческой направленности риторики связаны с тем, что она (риторика) подчиняет речевое поведение вербально осознанной *цели*, а его правила (нормы) — *идеалу*. То есть современная риторика — это, как принято сегодня говорить, *мультилингвистическая*, или точнее — *полигуманитарная* наука: она объединяет в себе не только собственно лингвистические дисциплины и методики, но и общегуманитарные (философию, социологию, политологию и др.). Мы считаем, что *риторика — это когерентная наука*, поскольку она не просто использует полигуманитарный подход, но формирует на его основе собственное и собственно риторическое понимание предмета исследования, которым является язык в его ментально-дискурсивном движении.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // Он же. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.: ЯКМ, 1996. С. 351-360.
2. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
3. Альбала А. Искусство писателя: Начатки литературной грамоты / Пер. с фр. И.Б. Мандельштама / С предисловием А.Г. Горнфельда. Петроград: Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е.В. Высоцкого, 1924.
4. Аннушкин В.И. О классическом и современном употреблении термина *словесность* // Русская речь. 2005. № 6. С. 30-35.
5. Аннушкин В.И. Что есть риторика и возродится ли она в России? // URL: http://www.pereplet.ru/text/annushkin_6.html
6. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008.
8. Будаев Э.В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2008.
9. Виноградов В.В. О художественной прозе // Он же. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 56-175.
10. Гиндин С.И. Риторика и проблемы структуры текста // Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. Общая риторика: Пер с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986. С. 355-366.
11. Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М.: Наука, 1989.

⁴⁹ Тюпа В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с. (Коммуникативные стратегии культуры); Тюпа В.И. Общая риторика. Программа курса для специальностей 021700 – филология, 520800 – история. Кафедра теоретической и исторической поэтики РГГУ // URL: <http://kaftip.narod.ru/RITORIKA.html>.

⁵⁰ Тюпа В.И. Общая риторика. Программа курса для специальностей 021700 – филология, 520800 – история. Кафедра теоретической и исторической поэтики РГГУ // URL: <http://kaftip.narod.ru/RITORIKA.html>.

12. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека: В 2-х тт. / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. Т. I.
13. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: В 2-х кн. / КН. 1. Теория: Учеб. пособие. 2-е изд., стереотипное. М.: Высшая школа, 2008.
14. Лассан Э. В поисках границы парадигмы текстов (от «парадигмы текстов» к «дискурсной формации») // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Сборник статей научно-метод. Семинара «TEXTUS». Вып. 6 / Под ред. докт. филол. наук, проф. К.Э. Штайн. СПб-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 453-457.
15. Лахманн Р. Демонтаж красноречия / Пер. с нем. СПб: Академический проект, 2001.
16. Майенова М. Теория текста и традиционные проблемы поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. Сборник трудов. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.
17. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Академия, 1996.
18. Михальская А.К. Основы риторики. 10-11 кл.: Учебник для общеобразоват. учреждений. 2-е изд., с измен. М.: Дрофа, 2001.
19. Парадигмы научного знания в современной лингвистике / Сб. науч. трудов / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания / Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН.
20. Психоллингвистика: Учебник для вузов / Под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: ПЕР СЭ, 2006.
21. Рождественский Ю.В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003.
22. Рождественский Ю.В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Культура. Образование. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003.
23. Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка, в границах и без границ. Харьков: ОКО, 1993. С. 37-52.
24. Скворцов О.Г. Риторическое направление в исследовании семантической сферы “LIGHT/DARKNESS” (по материалам политической коммуникации) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 41-45.
25. Смолененкова В.В. Понятие риторической критики // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра общего и сравнительного языкознания. Библиотека: Публикации сотрудников кафедры // URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_49.html; Oct 22, 2006, 16:26
26. Степаненко С.Б. Философия и риторика // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 5-9.
27. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1985.
28. Тюпа В.И. Общая риторика. Программа курса для специальностей 021700 — филология, 520800 — история. Кафедра теоретической и исторической поэтики РГГУ // URL: <http://kaftip.narod.ru/RITORIKA.html>
29. Тюпа В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры).
30. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002.
31. Шелякин М.А. Очерки по прагматике русского языка. М.: Русский язык; Дрофа, 2010.
32. Barthes R. L'ancienne rhétorique. Aide-mémoire // Communications. № 16. 1970. P. 172-229.
33. Cassin B. Voir Hélène en toute femme: d'Homère à Lacan. Paris: Sanofi-Synthélabo, 2000.
34. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization.
35. Perelman C. Le Champ de l'argumentation. Bruxelles: Presses Universitaires de Bruxelles, 1969.
36. Perelman C., Olbrecht-Tyteca L. Rhétorique et philosophie. P.: PUF, 1952.
37. Todorov T. Littérature et signification. Paris, Larousse, 1967.

References (transliteration):

1. Averintsev S.S. Antichnyy ritoricheskiy ideal i kul'tura Vozrozhdeniya // On zhe. Ritorika i istoki evropeyskoy kul'turnoy traditsii. М.: YaKM, 1996. S. 351-360.
2. Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka. М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008.
3. Al'bala A. Iskusstvo pisatelya: Nachatki literaturnoy gramoty / Per. s fr. I. B. Mandel'shtama / S predisloviem A.G. Gornfel'da. Petrograd: Knigoizdatel'stvo «SEYaTEL'» E.V. Vysotskogo, 1924.

4. Annushkin V.I. O klassicheskom i sovremennom upotreblenii termina slovesnost' // Russkaya rech'. 2005. № 6. S. 30-35.
5. Annushkin V.I. Chto est' ritorika i vozrodisya li ona v Rossii? // URL: http://www.pereplet.ru/text/annushkin_6.html
6. Bezmenova N.A. Ocherki po teorii i istorii ritoriki. M., 1991.
7. Budaev E.V., Chudinov A.P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika: Ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2008.
8. Budaev E.V., Chudinov A.P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. M.: Flinta: Nauka, 2008.
9. Vinogradov V.V. O khudozhestvennoy proze // On zhe. O yazyke khudozhestvennoy prozy. M.: Nauka, 1980. S. 56-175.
10. Gindin S.I. Ritorika i problemy struktury teksta // Dyubua Zh., Pir F., Trinin A. i dr. Obshchaya ritorika: Per s fr. / Obshch. red. i vstup. st. A.K. Avelicheva. M.: Progress, 1986. S. 355-366.
11. Graudina L.K., Mis'kevich G.I. Teoriya i praktika russkogo krasnorechiya. M.: Nauka, 1989.
12. Yeger V. Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka: V 2 t. / Per. s nem. A. I. Lyubzhina. M.: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 2001. T. I.
13. Krylova O.A. Lingvisticheskaya stilistika: V 2 kn. / Kn. 1. Teoriya: Ucheb. posobie. 2-e izd., stereotipnoe. M.: Vysshaya shkola, 2008.
14. Lissan E. V poiskakh granitsy paradigmy tekstov (ot «paradigmy tekstov» k «diskursnoy formatsii») // Printsipy i metody issledovaniya v filologii: Konets KhKh veka. Sbornik statey nauchno-metod. Seminara «TEXTUS». Vyp. 6 / Pod red. dokt. filol. nauk, prof. K.E. Shtayn. SPb -Stavropol': Izd-vo SGU, 2001. S. 453-457.
15. Lakhmann R. Demontazh krasnorechiya / Per. s nem. SPb: Akademicheskii proekt, 2001.
16. Mayenova M. Teoriya teksta i traditsionnye problemy poetiki // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Sbornik trudov. Vyp. VIII: Lingvistika teksta. M.: Proress, 1978.
17. Mikhal'skaya A.K. Russkiy Sokrat: Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike. M.: Akademiya, 1996.
18. Mikhal'skaya A.K. Osnovy ritoriki. 10-11 kl.: Uchebnik dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy. — 2-e izd., s izmen. M.: Drofa, 2001.
19. Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike / Sb. nauch. Tudov / Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otdel yazykoznaniya / Redkol.: Kubryakova E.S., Luzina L.G. (otv. red.) i dr. M.: INION RAN.
20. Psikhologicheskaya lingvistika: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. T.N. Ushakovoy. M.: PER SE, 2006.
21. Rozhdestvenskiy Yu.V. Slovar' terminov (Obshcheobrazovatel'nyy tezaurus): Moral'. Nравstvennost'. Etika. 2-e izd. — M.: Flinta: Nauka, 2003.
22. Rozhdestvenskiy Yu.V. Slovar' terminov (Obshcheobrazovatel'nyy tezaurus): Obshchestvo. Semiotika. Kul'tura. Obrazovanie. 2-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2003.
23. Serio P. V poiskakh chetvertoy paradigmy // Filosofiya yazyka, v granitsakh i bez granits. Khar'kov: OKO, 1993. S. 37-52.
24. Skvortsov O.G. Ritoricheskoe napravlenie v issledovanii semanticheskoy sfery "LIGHT/DARKNESS" (po materialam politicheskoy kommunikatsii) // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 2 (28). S. 41-45.
25. Smolenenkova V.V. Ponyatie ritoricheskoy kritiki // Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova. Filologicheskii fakul'tet. Kafedra obshchego i sravnitel'nogo yazykoznaniya. Biblioteka: Publikatsii sotrudnikov kafedry // URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_49.html: Ost 22, 2006, 16:26
26. Stepanenko S.B. Filosofiya i ritorika // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2007. T. 311. № 7. S. 5-9.
27. Stepanov Yu.S. V trekhmernom prostranstve yazyka: Semanticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva. M.: AN SSSR, In-t yazykoznaniya, 1985.
28. Tyupa V.I. Obshchaya ritorika. Programma kursa dlya spetsial'nostey 021700 — filologiya, 520800 — istoriya. Kafedra teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki RGGU // URL: <http://kaftip.narod.ru/RITORIKA.html>
29. Tyupa V.I. Diskursnye formatsii: ocherki po komparativnoy ritorike. M.: Yazyki slavyanskoй kul'tury, 2010. (Kommunikativnye strategii kul'tury).
30. Khazagerov G. G. Politicheskaya ritorika. M.: Nikkolo-Media, 2002.
31. Shelyakin M. A. Ocherki po pragmatike russkogo yazyka. M.: Russkiy yazyk; Drofa, 2010.
32. Barthes R. L'ancienne rhétorique. Aide-mémoire // Communications. № 16. 1970. P. 172-229.
33. Cassin B. Voir Hélène en toute femme: d'Homère à Lacan. Paris: Sanofi-Synthélabo, 2000.
34. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization.
35. Perelman C. Le Champ de l'argumentation. Bruxelles: Presses Universitaires de Bruxelles, 1969.
36. Perelman C., Olbrecht-Tyteca L. Rhétorique et philosophie. P.: PUF, 1952.
37. Todorov T. Littérature et signification. Paris, Larousse, 1967.